

Глава 6

Г.В. Плеханов и современные проблемы экономической науки

В последнее время любые научные конференции и дискуссии, посвященные самым различным проблемам, вращаются вокруг одной темы, которая либо открыто обозначается, либо проходит подтекстом. Это проблема самопознания России: кто мы есть, какой исторический путь прошли, что оставили в истории, каких духовных вершин достигла научная и общественная мысль России. Были ли мы всегда непросвещенными варварами, которых надо было обучать элементам культуры и демократии, или перед нами совершенно другая страна, с ее взлетами и падениями, с ее подвигами и трагедиями, с богатейшим духовным наследством, которое осталось нам и которое мы должны беречь, ибо без него у страны нет будущего.

Обращение к памяти Г.В. Плеханова в этом отношении очень показательно. То, что без его трудов невозможно понять историю русской общественной мысли, по крайней мере, конца XIX – начала XX столетия, – это очевидно. Причем, говоря о нем, мы имеем перед собой человека удивительного с точки зрения энциклопедичности знаний, человека, который по уровню интеллекта, образования, полемического таланта, влияния на умы людей стоял на уровне лучших европейских мыслителей XIX столетия. И не он один. Это была целая плеяда блестящих умов, которые представляли Россию в самых разных областях знаний.

Моя тема обозначена как «Плеханов и задачи, стоящие перед экономической наукой». Мне меньше всего хотелось бы говорить именно об этой стороне, тем более, что экономическая часть наследства Г.В. Плеханова – это не самое ценное, что оставлено им.

Экономическая часть его трудов не занимала доминирующего места. Она была представлена в комплексе его воззрений на

историю развития общества, на развитие общественной мысли. Была представлена в его трудах по истории русской мысли, а также мировой научной и философской мысли. Может быть он и сознательно не вычленял экономическую науку из системы общественного гуманитарного знания.

Мне бы хотелось порассуждать о других проблемах.

Первый тезис, с которого мне хотелось бы начать. Надо ясно представлять себе, что единственно правильный подход состоит в том, что Плеханов был сыном своего времени, сыном своей эпохи. Нельзя рассматривать его деятельность, личное поведение, содержание его трудов вне того века, вне той среды, которая сложилась в Европе и России в те годы. Иначе мы многое просто не в состоянии понять.

Надо помнить, что это был за век – XIX век. Век жесточайших войн, революционных потрясений во всех странах. Не составляли исключение и США, через которые прокатилась страшнейшая в истории гражданская война, унесшая жизнью (по отношению к численности населения) больше, чем гражданская война в России.

Это был не только век просвещенных предпринимателей, о которых мы пишем, имена которых справедливо занимают почетное место в Плехановском музее, в исторической части этого музея. Это те предприниматели, которые содействовали искусству, науке, театру, собранию картинных галерей. Но были и совсем другие социально-классовые силы. Был гнет, тяжелейший гнет, который сочетал в себе гнет политический, гнет социальный и гнет национальный. И думать, что человек, который заботится о счастье и благе народа, может стоять вне борьбы против этого зла, просто невозможно.

И весь XIX век от Белинского до Плеханова – это был век мыслящей интеллигенции, которая все делала для того, чтобы принести благо для своего народа, выбирая для этого разные пути, разные варианты решения, разную тактику и методы деятельности. А сопоставил я эти две фамилии еще потому, что по многократным просьбам Георгия Валентиновича его прах был перевезен из Финляндии в Санкт-Петербург и похоронен рядом с прахом Белинского, символизируя преемственность идей революционной мысли.

То, что было подготовлено к концу XIX и началу XX века – это было естественным результатом общественно-экономиче-

ского развития России, мира и той прогрессивной русской мысли, которая готовила пути освобождения народа.

Конечно, можно сказать, что Г.В. Плеханова незаслуженно мало читали. И это было в самое разное время. Но мне довелось, будучи студентом Плехановского института, полулегально в фундаментальной библиотеке, которая расположена в старом здании, по личной просьбе познакомиться с рядом работ Плеханова, поскольку ни в списках рекомендованной литературы, ни в открытом доступе, ни в массовом читальном зале они не были представлены. Они хранились надежно, но не были под строгим запретом.

Это было огромное воздействие на молодой ум. В студента, который столкнулся с таким блеском изложенных сложнейших проблем общественной мысли, заложили фундамент на всю последующую жизнь. Даже после 1956 г., когда началось массовое издание работ Плеханова, вышел 5-томник, вышли отдельные его работы, они очень недолго волновали нашу общественную мысль. Это был тот период подъема, когда появился огромный массив литературы. Плеханов не затерялся в ней, его читали. Но потом как-то все затихло и, кроме программ по истории экономических учений, о его работах вспоминают крайне редко. К сожалению, его постигла судьба многих выдающихся русских мыслителей, о чем с горечью писал ныне весьма популярный Николай Александрович Бердяев. Я вам процитирую его слова: «Неблагодарность к духовной работе предшествующих поколений, нежелание почитать даже великих своих людей, есть великий грех, есть неблагородная черта в русском характере». Это сказано, к сожалению, не только об одном Плеханове.

Второй тезис, на котором мне хотелось остановиться. Это необходимость по-новому взглянуть на многое в его поведении, в его действиях, в его политической борьбе. Ш.М. Мунчаев упомянул об этом, ссылаясь на Горького. Думаю, что не он один приложил руку к плехановским работам и к оценке его деятельности. Хотя это произошло не сразу, не в 1924 г., а произошло несколько позднее, после известного постановления ЦК по Институту философии в начале 1930-х гг. Я еще храню в своей домашней библиотеке, например, такую книжку: «Очерки исторического материализма в отрывках из работ Маркса, Энгельса, Плеханова, Бухарина, Ленина и других теоретиков». А до 1930 г. существовало достаточно распространенное мнение о том, что

в нашем революционном движении теоретиком был Георгий Валентинович Плеханов, а В.И. Ленин – практиком. Но после указанного постановления, разгрома прогрессивной профессуры, эта картина поменялась и Плеханов перестал быть теоретиком и практиком, был предан забвению на четверть века.

Сегодня возникает необходимость взглянуть на эти события по-новому. Я пытался перед этим выступлением просмотреть свои старые записи, конспекты, сами работы Плеханова, а также работы о нем. Любимые в то время выражения «оппортунист», «соглашатель» как литературный штамп просматривались постоянно. Мне думается, что вся его деятельность требует и нового прочтения, и нового осмысления.

Плеханов был человек, безусловно, глубоко демократических убеждений. Это был демократ без всяких кавычек, демократ в самом широком смысле слова. Он был непримиримый враг политического режима самодержавия и царизма, это тоже бесспорно и это украшает его, и отнюдь не мешает восстановлению исторической правды.

Недавно в беседе с англичанами, которые задавали мне всякие каверзные вопросы, я спросил: «А памятник Кромвелю еще стоит у Вестминстерского аббатства или вы его снесли?» Кромвель, который отрубил голову королю. Памятник ему стоит как неотъемлемая часть истории страны.

Плеханов проявлял удивительную твердость в своих позициях, в выборе тактики и стратегии. Вы помните, что он часто шел на разрывы, в том числе и отношений личной дружбы, отстаивая свои принципы, начиная с отказа от политики террора, которую он не признавал, и кончая его попытками поиска компромиссов и согласий.

Да, его упрекали в том, что он искал компромисса с либеральной буржуазией, союза с ней против царизма. Все, писавшие до сих пор, однозначно рассматривали это как отрицательный момент, это элемент предательства. А может быть, он смотрел дальше? Вообще с учетом тех изменений, которые происходят в мире, в обществе, когда мы сейчас имеем перед собой совершенно другую социальную структуру общества, поиск согласия, компромисса, поиск гармонизации интересов и целей уходили своими корнями в традиции плехановской мысли. Во всяком случае здесь есть многое, над чем надо подумать.

Во всяком случае есть основание видеть в его действиях не просто слабость характера, склонность к соглашательству и т. д. Может быть, за этим стояла и мудрость, порой неотчетливо выраженная в словах? А может, и определенный завет для последующих? Потому мы должны признать наличие высших национально-государственных интересов, которые стоят выше интересов любого класса, любой группы, любого объединения.

Мы ведь выросли на довольно примитивной модели, что там, «у них»: «Все, что выгодно для «Дженерал Моторс», выгодно для Соединенных Штатов Америки». Попробовал бы «Дженерал Моторс» сделать что-нибудь, противоречащее национальным интересам США! Их бы стерли в порошок моментально, под аплодисменты представителей всех общественных слоев и групп.

Возьмем, например, недавно опубликованную и очень содержательную (ее можно по-разному оценивать) «Концепцию национальной безопасности США», где совершенно четко проводится идея общенационального согласия, высших интересов Америки, Америки у себя дома и во всем мире, подчинение всех служб – от правительственного аппарата до рядового гражданина – целям процветания Америки.

И может быть, тоже требует осмысление тот факт, что борьба с народничеством, либеральным народничеством, борьба с теми, кто пытался найти для России свой уникальный путь – жестокая и непримиримая борьба – во многом помешала Плеханову подняться до осознания этих идей. Сыграла с ним, как и со многими другими, злую шутку в том смысле, что вместе с перечеркиванием примитивных идей «почвенников» мы пытаемся отказаться от учета самобытности страны при поиске путей и направлений ее реформирования, ища готовые копии или образцы для подражания. Это еще и еще раз надо передумать.

Разумеется, тогда шла острейшая борьба. Вы помните мучительную, болезненную переписку если не самого Плеханова, то Веры Засулич с К. Марксом насчет того, что как нам быть в вопросе с этой самобытностью. Причем, настаивая перед Марксом, в основном, на том, что у нас должно быть все точно так, как у него написано, мы должны вести Россию по этим путям, пройдя через все тернии и капиталистического производства, и т. д. И четыре неотправленных ответа Маркса на эти вопросы,

потому что он тоже искал какого-то разумного, взвешенного решения. Во всяком случае, его многократные ссылки, что он не претендовал на создание всемирной концепции развития, что он вовсе не пытался навязать всему человеческому обществу единый путь развития цивилизации, что его выводы имеют ограниченное значение, применительно только к зарождению греко-римской культуры в Западной Европе, и не более того. Он, правда, так и не отправил эти ответы, не желая вносить разлады. А может быть, так и не найдя удовлетворяющего его ответа.

Экономическая составляющая у Плеханова не была наиболее сильной стороной его учения. Но что же ценного мы находим у него? Я бы выделил прежде всего огромную, величайшую методологическую культуру, свойственную Плеханову, как и всей русской общественной мысли второй половины XIX столетия.

По уровню методологической культуры, по способности избегать упрощенных схем и поиска легких ответов, по стремлению докопаться до внутренних глубин, причин и движущих сил развития, русская общественная мысль была на высоте. Это завоевание отечественной школы общественной мысли никогда не должно быть утрачено. Мне просто трудно найти аналоги в общественной мысли любой страны, которая бы по уровню методологической культуры была на равных.

Мы это обнаружили и у себя, в чисто экономических исследованиях, когда сталкиваемся с нашими партнерами, учеными западного направления, когда направляем на обучение наших стажеров. Мы очень во многом отстаем, мы очень многого не знаем, например, в части программирования, в части изучения законов рыночной экономики, моделирования, макроэкономики и т. д. Но что поразительно! Достаточно бывает 6–8 месяцев, чтобы наш специалист полностью овладел этими способами. Потому что запас методологической культуры позволяет все это как-то осознать, поставить на свои места. А если человек умный, способный, то он этим овладевает моментально.

Думаю, что знакомство, чтение, изучение трудов отечественных мыслителей (не хочу перечислить всей когорты великих мыслителей нашего века) – это особая, больная тема. Но был серебряный век не только в поэзии, был и выдающийся период формирования отечественной экономической школы на рубеже XIX–XX столетия, которая качественно отличалась от любых су-

ществовавших тогда школ. В трудах М.И. Туган-Барановского, величайшего экономиста своего времени, способного и сегодня оказать влияние на развитие мировой экономической науки, в работах П. Струве, в работах С. Булгакова, А. Чупрова мы находим там очень много поучительного.

Это было, действительно, формирование научной школы, которую надо вычленить, определить ее составные части, ее место и посмотреть всю последовательность. Эти люди жили практически в одно время, общались между собой. Выдающийся наш экономист Н.Д. Кондратьев, автор теории «больших волн», занимался в семинаре у М.И. Туган-Барановского. Первую свою научную работу подготовил в его кружке по вопросам теологии политической экономики.

Помимо методологической стороны, о которой я говорил, русской экономической школе была присуща широта воззрений на экономику, выход за формально установленную границу экономического знания и привлечение туда таких областей, как культура, социальная психология, право, нравственность к вопросам ментальности общества. Здесь формируется совершенно другая социальная система ценностей с учетом нравственных и других элементов, которые не вписываются в нынешние модели, скажем, потребления. И нам представлена возможность для того, чтобы на новом витке развития экономической науки взять из этого запаса все то, что не потеряло своего значения.

Если говорить об экономической науке сегодня, то, я думаю, период растерянности в науке прошел, период самобичевания закончился. Четко просматривается волна наката, подъема в исследовании кардинальных проблем как мирового, так и отечественного развития, разработка достаточно содержательных, профессионально глубоких программ обновления российского общества, возрождения Великой России.

Но, если посмотреть шире, то у нас постепенно сложилось впечатление о том, что сейчас вообще вся экономическая наука находится в глубоком кризисе, и не только отечественная, но и мировая. Изменения, которые произошли за последние полвека и происходят на наших глазах, оказываются необъяснимыми с точки зрения сложившихся представлений о закономерностях развития общества, они выходят за пределы возможных объяснений. Есть пределы, которые устанавливаются

общим взаимодействием человека и природы, общими пределами потребления, разграничениями, которые делят общество на какие-то совершенно новые образования, с большими угрозами замены противостояния Запада и Востока противостоянием Севера и Юга, с почти бесперспективным вариантом решения этой проблемы.

Мы сталкиваемся с попытками навязать одну идеальную модель всем — модель экономики, общественного устройства, системы ценности, которые не состыкуются с моделями, которые реально существуют в мире. Смешно, например, слышать, что надо вернуть в число цивилизованных стран Россию или, например, Китай. Причем некоторые люди серьезно пишут: «Вернуть Китай в мировую цивилизацию». Какую?! Выдуманную, сочиненную, книжно сконструированную?

Мир развивается нелинейно, возникают новые процессы, требующие объяснения. Иначе говоря, мы сегодня стоим перед необходимостью разработки новой парадигмы как целостной системы представлений, которые могли бы объяснить, как современные проблемы, так и прошлые. Причем формирование новой парадигмы — это вовсе не отрицание всего предшествующего, что сделано в науке, а лишь рассмотрение того, что было сделано, в качестве частного случая. И Эйнштейн своими открытиями не опроверг Ньютона. Он только показал, что законы, открытые Ньютоном, носят частный характер и применимы к определенной сфере физических процессов, которые существуют в условиях, когда скорость движения ниже скорости света. Все правильно. Но это частный случай по отношению к более глобальной теории. Мы стоим сегодня перед необходимостью выработки новой парадигмы в обществоведении.

Думаю, что, решая назревшие вопросы обновления и возрождения российского общества, с одной стороны, и работая над развитием общественной науки в целом, мы должны не забывать, что у нас нет оснований краснеть за прошлое, что мы опираемся на богатейшее духовное наследие, сложившееся в нашей стране. И обращение к этому наследию — это не только огромный моральный фактор, который укрепляет человека в понимании того, что он не вчера лишь порвал пуповину варварства. Оно дает осознание чувства принадлежности к великой духовной культуре и выдающейся науке и потребность быть, по крайней мере, достойным своих предшественников.